

Елена
Арсеньева

Госпожа
сочинительница

ИСТОРИЧЕСКИЕ
НОВЕЛЛЫ
ЛЮБВИ

Елена Арсеньева
Любовный роман ее жизни
(Наталья Долгорукая)
Серия «Госпожа сочинительница»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161323
Арсеньева Е. Госпожа сочинительница: Эксмо; Москва; 2005
ISBN 5-699-13155-8

Аннотация

Главное предназначение женщины – заботиться о муже и детях, вести домашнее хозяйство. А если этого мало? Если в сердце горит огонь творчества, если любовное чувство выражается в виде поэтических строк? Для таких дам один путь – заняться литературой. Но на этом пути встречается столько терний и невзгод, что судьбам поэтесс позавидовать трудно. И все же – они прекрасны! О том, как жили и творили Зинаида Гиппиус, Каролина Павлова, Марина Цветаева и другие, прославившие себя в веках поэтессы, читайте в исторических новеллах Елены Арсеньевой...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

15

Елана Арсеньева

Любовный роман ее жизни (Наталья Долгорукая)

Судьба бывает иногда невероятно злобна и коварна. То есть настолько, что никакому завистнику и мизантропу не выкопать под куполом ночи, покровительницы всех и всяческих подлецов и доносителей, таких глубоких ям ближнему своему, каких нароет Фортуна на пути не просто существа доброго и милого, но и совершенно безгрешного, с ангелом сравнимого душою. И этому страдающему ангелу одно, наверное, бывает в утешение: уподоблять себя многотерпеливому Иову, которого *Бог любил*, за то и терзал, за то и мучил, проверяя его преданность и любовь к себе.

Очень может быть, что и Наталью Долгорукую судьба терзала и мучила, проверяя ее любовь к мужу, который был для нее первым после Бога на земле, а в глубине влюбленного сердца – пожалуй, и превыше Господа. Столько преград, сколько было выставлено на пути ее преданности к обожаемому человеку, трудно себе вообразить и даже нарочно нагромоздить вроде бы невозможно.

В конце концов там, на небесах, похоже, развели руками и поняли, что дольше мучить эту воистину святую женщину попросту жестоко и несообразно. Ее оставили в покое, никак

не вознаградив за беспредельное терпение, потому что тот, кого она так безумно и беззаветно любила, нацеплял на себя чрезмерно много всяких грехов, своих да и чужих, за что и принужден был расплатиться преждевременной и мучительной смертью.

А невероятная страсть к нему жены его стала основой для первого русского любовного романа. Вдобавок дамского, то есть написанного женщиной.

* * *

– Ну, ну, девонька, полно плакать да рыдать. Слезами горю не поможешь. Долгоруким теперь конец, это все кругом промеж себя шепчут, а кто посмелей, те и вслух говорят.

– Я ничего такого не слыхала.

– Да ведь ты и не бываешь нигде, не видаешь никого, сидишь в четырех стенах, словно баба старая, а не девица молодая на выданье.

– На каком еще на выданье? Я невеста обрученная! Разве вы позабыли, братец Петр Борисович? Вы же сами присутствовали в ноябре прошлого года на нашем обручении. Сначала праздновали в честь императора Петра Алексеевича, царство ему небесное, божьему ангелу, и княжны Екатерины Алексеевны Долгорукой, а на другой день – в нашу честь с князем Иваном... Какая радость была, какое торжество! Боже ты мой, сколько мне надарили всего! Бриллиан-

товые серьги, часы, табакерки... Руки не могли всего бы забрать, когда б не помогали поднимать! А перстни, которыми мы обручались, были его – в двенадцать тысяч, мой – в шесть тысяч рублей...

И улыбка скользнула по заплаканному девичьему лицу при этих блаженных воспоминаниях.

Петр Борисович Шереметев, старший сын знаменитого фельдмаршала Бориса Петровича, посмотрел на свою сводную сестрицу с печальным раздражением.

Тоже мне, сестрица... Да у него меньшие детки старше этой сестрицы! Конечно, ее матушка, вторая жена фельдмаршала, Анна Петровна Нарышкина, баловала Наталью и нежила, как не всякая мать дитя свое ласкает да балует. Однако Анна Петровна была гораздо младше и своего пасынка, Петра Шереметева-старшего (у нее вскоре родился и свой сынок, Петр), и всех остальных детей мужа от первого брака, поэтому никто в семействе ее слишком всерьез не принимал. Вот и видно, что никакому уму-разуму она не успела дочку научить за те четырнадцать лет, что провела близ нее, пока не умерла. Последние два года после этого печального события Наталья жила в семье старшего сводного брата и, нечего сказать, вела себя как разумная девица, свою и семейную честь блюла и какого нашла жениха – позавидуешь! Князь Иван Алексеевич Долгорукий, фаворит юного императора Петра II, отпрыск знатнейшего рода...

Да, позавидуешь лютному врагу, что не его сводная сест-

рица нашла себе такого жениха, как Ванька Долгорукий, любимчик умершего мальчишки-государя, отпрыск семейства, которое восстановило против себя стольких людей, что теперь немало найдется охотников сверзить их с тех высот, на которые они столь незаслуженно взобрались! И Головкины, и Ягужинские, и Лопухины против них, и Голицыны, Волынский, и Феофан Прокопович... Это только явные враги, а сколько тайных неприятелей! С часу на час полетят Долгорукие вверх ногами. Не хотелось бы, чтоб и глупая девчонка загремела вместе с ними.

А ведь чувствует, конечно, Наталья, будущую судьбу свою, по сравнению с которой юдоль печали цветущим садом покажется, — то-то слезами обливается...

— Ты человек молодой, — вкрадчиво проговорил Петр Борисович. — Не сокрушай себя так безрассудно. Князю Ивану можно и отказать.

— Как — отказать? — переспросила Наталья, уставив на старшего брата большущие заплаканные глаза.

— Ну, как другие отказывают? — пожал тот плечами. — Напишем письмо: так, мол, и так, бог нас простит да рассудит... пошлем человека с сим посланием... И все покончено разом будет. Ты за себя не тревожься, в девках ты не засидишься. Будут и другие женихи, не хуже его достоинствами, разве что не такие великие чины иметь будут. Одно только слово твое, и все переменить возможно. Волынского сын тебя и прежде за счастье почитал взять, и теперь с радостью возьмет. А сам

Артемий Петрович Волынский при новой государыне Анне Иоанновне непременно в такую честь войдет, что твоим Долгоруким и не снилось. Еще и посмеешься, что раньше мечтала о князь Иване...

— Как же так? — недоумевающе перебила Наталья. — Одного обрученной невестой была, потом за другого пошла с тою же охотою...

Старший брат раздраженно пожал плечами: а ведь девка, похоже, глупее, чем он думал!

— Ничего, сие дело представить можно так, будто тебя на первое обручение принудили. Сошлешься вон на свою сводную, а мою родную сестрицу Анну Борисовну Головину (она ведь повиснет удавкой — не снимешь!) или на нарышкинскую свою родню: мол, они настояли. Ну и Долгорукие-де обошли, обаяли: всем известно, сколь хитер да велеречив князь Алексей Григорьевич, народу своими лисьими хитростями извел несчитано. И какого народу, самого Александра Даниловича Меншикова со свету сжил, где тебе, молоденькой, было против него устоять! А со временем ты-де одумалась и хочешь все вспять повернуть... Ну что? Решилась? Пошлем к Долгоруким с отказом?

Наталья понуро молчала.

Петр Борисович впервые пожалел, что эта девка — не настоящая родня ему. На родную-то он бы слов не тратил — выпорол, да и дело с концом. Уже нынче же взяла бы слово у Долгорукого да отдала Волынскому!

Ага, наконец-то перестала глаза тупить. Надумала. Что-то скажет?

– Войдите в рассуждение, братец Петр Борисович, – заговорила Наталья голосом, еще прерывающимся от слез, но с каждым словом звучащим все тверже. – Честна ли будет после того моя совесть, что, как суженый мой велик был, я с радостью за него шла, а когда он стал несчастлив, отказала ему? Я такому бессовестному совету согласиться не могу. Я сердце одному отдала, положив жить или умереть с ним вместе, тут другому уже нет участия в моей любви. Я не имею такой привычки сегодня одного любить, а завтра другого. Я всему свету докажу, что в любви верна!

Тут она не выдержала и зарыдала снова.

Петр Борисович, глубоко оскорбленный тем, что его совет называли бессовестным, взирал на эти слезы не без презрения.

– Ну, коли ты так глупа, – пробормотал он, – то пусть будет как будет.

Однако все же пожалел сестру – не сказал того, что думал и что, как он считал, сказать следовало бы: «Коли ты так глупа, вся жизнь твоя отныне будет – одни сплошные слезы!»

...Пожалуй, в декабре 1729 года во всей России невозможно было отыскать молодой пары, которой более щедро и солнечно улыбалось бы счастье, чем этим двоим: двадцатидвухлетнему князю Ивану Долгорукому и шестнадцатилетней графине Наталье Шереметевой.

Даже состоявшееся лишь днем ранее обручение молодого императора Петра II с первой красавицей Петербурга, сестрой Ивана Долгорукого, княжной Екатериной Алексеевной меркло перед блеском нынешнего обряда, потому что всем, кто хотел знать, было ведомо: княжна Екатерина, эта гордячка, императора не любит, а любит она Альфреда Миллесимо, племянника австрийского посла Вратислава.¹ За императора же «взялась» из опасного тщеславия и по наущению отца своего, князя Алексея Григорьевича, до славы и благ мирских зело жадного – еще более, чем жаден был его предшественник, несостоявшийся императорский тесть и великий временщик Алексашка Меншиков, который, к слову сказать, в эти же самые дни отдал богу душу в заметенном метелями Березове, который и находится неведомо где: там, где Макар телят не пас.

Ну так вот, венценосный жених с гордячкой-невестою сидели на своем обручении надутые и веселились из-под палки, с тоской поглядывая в совместное будущее, а князь Иван и графиня Наталья сияли, потому что без памяти были друг в друга влюблены и нарадоваться не могли, что отныне станут вечно принадлежать друг другу.

Князя Ивана еще несколько лет назад назначили гоф-юнкером к великому князю Петру Алексеевичу, внуку императора Петра и сыну несчастного царевича Алексея Петрови-

¹ Об этой истории можно прочитать в книге Елены Арсеньевой «Любовь у подножия трона».

ча. То есть великий князь приходился полным тезкою своему деду, однако ничего, кроме высокого роста, маленького, крепко сжатого рта и темных глаз, от деда не унаследовал. При дворе сначала самого Петра, потом императрицы Екатерины Алексеевны он находился в совершенном небрежении и забвении. Право слово, кабы умер тогда мальчишка (наследника престола в нем в ту пору еще не видели, вернее, не хотели видеть), никто и не почесался бы. Воспитывал его кто ни попадя, учили люди совершенно случайные: не слишком доброго поведения вдова какого-то портного и столь же высоконравственная вдова какого-то трактирщика. Диву, впрочем, даваться сему не приходилось, ибо при дворе «бабушки» Петра, императрицы Екатерины (Марты Скавронской тож), водился в большинстве своем только этакий народ, добропорядочностью не отличающийся. «Бабушка» ведь и сама была из тех вечных девушек, которые о женской чести понятие имеют своеобразное... Может быть, и не совсем плохое, однако с этим понятием с большим трудом уживается забота о людях других, тем паче – о детях, тем паче – о детях чужих. Чтению и письму Петра учил танцмейстер Норман, а поскольку он служил некогда во флоте, то заодно посвятил великого князя в основы обожаемого дедом-императором морского ремесла, возбудив, между прочим, во внуке великое отвращение к морю. Настолько сильное, что он потом на время своего недолгого правления даже вернет русскую столицу из отсыревшего и продутого морскими вет-

рами Петербурга в теплую и сухую Москву! Побывав в руках какого-то еще Маврина и столь же значительного Заикина, юный Петр был отдан затем в ученье к умному и злому человеку Андрею Ивановичу Остерману, а под присмотр — к семнадцатилетнему князю Ивану Долгорукому.

И вот тут-то он впервые в жизни почувствовал себя счастливым.

Князь Иван при всей своей бесшабашности и разболтанности (он ведь рос и воспитывался, как положено недорослю из богатой русской семьи, — то есть рос сам собой, аки трава в чистом поле, а воспитывался кем ни попадя, вернее, не воспитывался никем) оказался человеком добрейшим. Забитый, всеми затурканный царевич был достоин жалости. И князь Иван его пожалел. Одарил своей великодушной дружбой, начав учить всему тому, что сам умел делать в совершенстве: пить, курить, играть в карты, драться, скакать верхом, фехтовать, ну и, само собой, волочиться за барышнями, девицами, дамами, женщинами, бабами... короче, за всяким существом в юбке, потому что князь Иван был величайшим юбочником своего времени. Но при этом он имел редкостный талант ладить со всеми своими многочисленными любовницами: теми, что важно разгуливали по мраморным или паркетным полам, и теми, которые застенчиво шмыгали по черным лестницам; теми, которые пользовались плодами его любвеобилия нынче, и теми, кто уже получил у него отставку. Всякая его обожала, всякая благословляла. Мужчины бы-

ли к нему не столь расположены, особенно те, головы коих по его милости украсились ветвистой порослью. А впрочем, те, кому с ним нечего было делить, считали его лучшим и надежнейшим товарищем на свете.

Вскоре точно так же стал думать и Петр. Он весьма привязался к князю Ивану и ни за что не пожелал расстаться со своим другом, когда против того ополчился сам Александр Данилович Меншиков – Иван Долгорукий осмелился неодобрительно отозваться о намерении светлейшего обручить свою дочь Марию с великим князем Петром. Разумеется, решение это взбрело на ум хитрому Алексашке не раньше и не позже того времени, как забитый и забытый всеми великий князь вдруг превратился в единственного реально-го наследника короны Российской империи. Об этом тоже было князем Иваном молвлено, да не слишком тихо.

Алексашка вспыхнул порохом: был он обидчив и мстителен. За насмешки и дерзости решил он отправить князя Ивана в полевые полки, на его место назначив своего сына Александра. Хоть воспротивиться этому новому назначению великий князь Петр не смог, но верного друга от себя не отпустил. Унылый, скучный Меншиков-младший, увы, ни умом, ни нравом не напоминал своего батюшку в молодости, а ведь именно безудержными выдумками и весельем тот когда-то прочно завоевал сердце первого Петра и положил начало своей головокружительной карьере. Поэтому фаворитом будущего Петра-второго остался все же Иван Долгору-

кий, а близ него начали насиживать себе местечки другие Долгорукие, прежде всего – князь-отец Алексей Григорьевич.

Верно говорили, что другого такого пролазы и проныры на всем свете не сыскать! Он был подобен воде, которая камень точит. Вот и подточил он камень Алексашкиного благополучия, вот и унесло светлейшего той водою в далекое далеко, вот и возвеличилась при дворе молодого императора не фамилия Меншиковых, а фамилия Долгоруких.

Больше всего на свете князь Алексей Григорьевич мечтал сделаться императорским тестем, справедливо рассуждая, что тот, кто владеет незрелым умом этого большого ребенка – государя, тот владеет всеми богатствами страны. Подсовывая Петру свою старшую дочь Екатерину, бывшую и в самом деле невероятной красавицей, он мечтал этим браком подставить ножку сыну, которого тайно ревновал и который оставался первой привязанностью и первым другом мальчишки-императора. Лишь только Петр оказался на престоле, князь Иван получил чин майора Преображенского полка, что равнялось чину генеральскому, и назначен был обер-камергером двора. Без преувеличения – он сделался самым влиятельным человеком в государстве, перед ним раболепствовали не только придворные, но и иностранные министры.²

² Обычное звание в России начала XVIII в. послов и посланников других государств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.